

Авторская серия
ЛЕНЫ СОКОЛ

ЛЕНА СОКОЛ

Кей
&
Джема

Москва
2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С59

Художественное оформление *Ольги Сапожниковой*

Сокол, Лена.

С59 Кей&Джема / Лена Сокол. — Москва : Эксмо, 2022. — 320 с.

ISBN 978-5-04-173120-5

Кей и Джема не просто из разных миров — кажется, они из разных вселенных. Он — обаятельный хулиган из трущоб, она — дочка мэра. В его мире царят суровые законы улиц, ей уютно в ее золотой клетке. Эти двое никогда не должны были встретиться, но судьба посчитала иначе.

Тихий городок на берегу моря, одно лето на двоих и искреннее желание быть вместе. Хватит ли влюбленным смелости восстать против целого мира и сохранить свою любовь?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Сокол Е., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-173120-5

*Основано на реальных событиях.
Все имена изменены,
всякое совпадение с реальными лицами
случайно.*

Плейлист

Cumbia Ninja – Luz De Sombra

Bloom – The Paper Kites

Kanye West & Jay-Z feat. Mr. Hudson – Why I Love You So

Sh10Ra – You Killing Me Inside

New Hope Club feat. R3HAB – Let Me Down Slow

Jaymes Young – Infinity

Elli Eli feat. Raritto San – I Got Summer on My Mind

AURORA – Runaway

Lana Del Rey – Happiness is a butterfly

Bill Withers – Just the Two of Us

Gary Jules feat. Michael Andrews – Mad World

Обычная ночь. Густое черное небо над берегом заволочло сизыми тучами, матовый свет луны почти не пробивался сквозь их плотную пелену. Стрелки часов давно перешагнули за полночь.

Обычная ночь. Ничто не говорило о том, что она изменит их жизни навсегда. Ничто не предвещало перемен.

Джема лежала на кровати и болтала босыми ногами, перед ней горел экран ноутбука. Поздний разговор с подругой Ксюшей – единственная шалость, которую она могла себе позволить. Из грозивших последствий – покрасневшие глаза утром, но это казалось ей сущей мелочью. А вот в остальном послушаться отца и мачеху девушка не смела.

«Стас опять писал мне сегодня на занятиях», – написала Ксюша.

Джема покачала головой. Ее пальчики быстро запорхали над клавиатурой.

«Не понимаю, почему он тебе нравится. Выскочка, – ответила она и добавила: – Лицемер. – И нажала «Отправить».

«Он красавчик», – высветилось в чате.

Ксюша дополнила сообщение забавным эмодзи. Похоже, подруга всерьез заинтересовалась их однокурсником.

«Только не для меня!» – с улыбкой ответила Джема.

«Но для всех девчонок академии – да!»

И еще с десятков стикеров и смайлов.

«Он бабник», – не удержалась Джема.

Она знала, что подруге это не понравится, но ничего не могла с собой поделать. Джема Алиева, дочка мэра, была

отличницей и примером для подражания для многих. Она всегда говорила то, что думала, даже если рисковала показаться занудой.

Разве не для этого девочки дружат — чтобы открыто говорить друг другу правду?

«Ты как всегда», — напечатала Ксюша.

«Ну вот, обиделась».

«Так и есть».

«Нет, ты просто не веришь, что я реально могла ему понравиться!»

«Как и десятки других девчонок», — не унималась Джема.

Меньше всего ей хотелось, чтобы лучшая подруга убивалась по самовлюбленному красавчику, который каждый день тискает новую дурочку на переменке. Кому придется утешать Ксюшу, когда он разобьет ей сердце? Правильно — ей, Джеме.

«Лучше бы ты занялась учебой», — добавила она.

«Фууу! — после недолгой паузы написала Ксюша. — Умешь ты обломать кайф!»

Джема улыбнулась. Всё-таки не обиделась.

Отцы девушек давно и плотно сотрудничали в бизнесе, поэтому Джема и Ксюша дружили с детства. Понимание с полуслова было их наработанным годами навыком.

«Мне кажется, что друг Стаса Дима интересуется тобой», — высветилось на экране. И, разумеется, сообщение тут же дополнилось смущенным смайликом.

«Зато он мне не интересен, — ответила Джема, — со спортсменами не о чем говорить, мы это уже проходили».

«Эй, пора вылезать из своего кокона, малышка! Ты просто стесняешься, поэтому прячешься от парней за горой учебников».

«Я просто правильно расставляю жизненные приоритеты».

Джема улыбнулась, довольная собственной мудростью. Уж сколько раз легкомысленная подруга пыталась ее сосватать кому-нибудь из одноклассников. И чем дольше та упиралась,

- Кей&Джема -

уверяя, что мальчики ей неинтересны, тем с большим рвением Ксюша рвалась в бой.

«Ты вообще помнишь, как он выглядит?»

«Кто?»

«Этот Дима».

«Ну так...»

«Позволь напомнить».

И пока Ксения в красках расписывала достоинства красавчика-спортсмена, Джема всё ярче краснела и всё искреннее смеялась, зажимая рот ладонью, чтобы не наделать шума и не разбудить отца.

Вдруг за балконной дверью раздался глухой удар, послышалось копошение. Девушка прикрыла экран ноутбука и вгляделась во тьму. Звук повторился. «Наверное, птица ударилась об окно», — подумала она. Встала, подошла к балконной двери, надавила на рычаг и распахнула ее настежь.

За минуту до этого, стоя на хрупкой лестнице, прислоненной к фасаду особняка мэра Алиева, и слегка пошатываясь при резких порывах ветра, проклинал всё на свете парень, чьего лица не знал никто в этом городе.

Многие слышали лишь прозвище — Кей, но вряд ли кто-то, кроме близких друзей, знал, как тот выглядит на самом деле. Городская легенда, призрак, злой дух улиц, ведомый жаждой мщения. Он был никем для власть имущих — ничтожеством, бродягой, вандалом. А для обитателей прибрежных трущоб этот парень без лица стал символом сопротивления и борьбы за справедливость.

— Посвети мне, — попросил он.

Его шепот растворился в прохладном ночном ветре.

— Ты что-то сказал? — донеслось снизу.

Кей опустил с лица платок и посмотрел на товарища:

— Посвети мне! Луна зашла за тучи, и я работаю на ощупь.

— Чего?

Лестница была слишком высокой, до парней доносились только обрывки слов друг друга.

– Черт! – Кей был вынужден наклониться и повысить голос: – Фонарь включи!

– Тогда нас сразу заметут! В этом доме десятки окон!

– Включи фонарь на камере, я сказал.

Кей раздраженно махнул рукой и чуть не выронил баллон с краской. Мышцы от длительного пребывания в неудобном положении дрожали и ныли. За последние полгода художник привык работать в разных экстремальных условиях, но тут они с Филей переплюнули самих себя: забрались на территорию особняка самого влиятельного человека в городе, да еще и приволокли с собой шестиметровую лестницу.

Забираясь по ней, парень думал лишь о том, что если получится выбраться отсюда живыми и не попасться в лапы людей Алиева, то он с полным правом сможет считать содеянное чуть ли не подвигом.

– Если я его включу, через секунду прибежит охрана! – каркнул Фил, повышая голос и переходя с шепота на глухой крик.

Он переминался с ноги на ногу, стараясь не наступить на использованные баллоны с краской, раскиданные в траве под ногами.

– А если не включишь, то не сможешь снять и кадра! На черта тогда ты плелся сюда с этой камерой?

– Я не знаю. Чтобы стоять на шухере и держать тебе лестницу!

Новый порыв ветра подтвердил его слова: лестница пошатнулась, и Кею пришлось вцепиться пальцами в стену, чтобы устоять. Металл баллончика с краской звонко царапнул по кирпичной кладке.

– Черт... – Парень сжал зубы.

– Держу-держу, – прохрипел Фил.

Кей взгляделся в рисунок.

Нужно было брать флуоресцентную краску – ничегошеньки не видно. А заканчивать как-то нужно. Дописать, поработать над обводкой, нанести заключительные штрихи.

Дело, конечно, не в красоте, а в смысле, который несло его граффити, но парень привык до последнего бороться за идеальность во всем.

Даже когда его жизни грозила опасность, даже когда отовсюду слышались сирены полицейских машин, он всегда заканчивал работу над рисунком, а затем уже давал дёру. И каждый раз это был бег по краю. Правда, до сегодняшнего дня ему несказанно везло.

— Включи уже его, — прорычал Кей и, изловчившись, стер пот со лба тыльной стороной ладони, облаченной в перчатку. — Хотя бы на пару секунд! Я должен видеть этот кусок.

— Будь ты проклят, — заворчал Фил.

И в следующую секунду матовый луч неуклюже скользнул по стене вверх.

— Ровнее! Сюда!

— Я не могу светить в окна.

— Правее, Филя!

Кей яростно потряс баллончик и продолжил рисовать.

— Хватит? — Фил весь извелся.

Он дрожал так, что лестница ходила ходуном. Возможно, не от страха, а потому, что держать одновременно лестницу и снимать происходящее на видео — занятие не из легких.

— Почти залил этот кусок.

— Выключаю.

Тут же раздался какой-то шум. Чтобы выключить фонарик, Фил вынужден был отпустить лестницу. Та покачнулась, струя баллончика брызнула вправо, Кей выругался.

— Живее! — впиваясь пальцами в лестницу, взмолился Фил.

Он боялся не за себя, а за друга, ведь, чтобы убежать, ему еще нужно было спуститься вниз.

За углом дома послышались встревоженные голоса.

— Всё. Бросай! — торопливо зашипел Фил. — Эй, слышишь? Бежим!

— Беги, — холодно отозвался Кей, продолжая наносить короткие штрихи краской.

– Придурок, – озираясь, вздохнул товарищ. Он торопливо сунул камеру во внутренний карман куртки и постучал ладонью по лестнице. – Еще есть время, бросай всё, и бежим.

– Беги, Филя, я догоню. – Кей сосредоточенно дорабатывал контур.

– Слезай! – Фил топтался на месте, задрал голову.

– Уходи!

Шипение баллончика, возня, шепот выдавали их. Где-то хлопнула дверь, в тишине сада раздался торопливый топот.

– Идём, бросай! – предпринял последнюю попытку Фил.

– Всё будет хорошо, – дыша ровно и глубоко, ответил Кей. – Беги!

– Эй! – прокричали в темноте.

– Беги, я сказал!

Прижимая камеру к груди, Филя рванул через кусты к забору.

– Там! Вон! Лови его! Стой!

Сердце в ночной тишине отстукивало четкий ритм, точно огромный метроном. Парень с баллончиком в руке продолжал свою работу, не слыша криков. Он должен это сделать. Знал, что второго шанса не будет. Сейчас или никогда. Закончит, или никто так и не узнает правды. Это важнее его собственной жизни, от этого зависели жизни других.

Какие-то тени промчались за Филей к ограде. Только слышалось, как хрустят ветки деревьев и глухо звучат шаги по мягкой земле, устланной ровным газоном.

Всё! Он опустил руку и выпустил баллон, забыв, что внизу отмостка. Железяка звонко ударилась о бетон, и сердце парня замерло. Он не успел бросить прощальный взгляд на получившееся граффити, порывом ветра лестницу накрепко. Она закачалась и плавно заскользила в сторону.

Он чувствовал, пока заваливался, шершавую стену, попытался пальцами зацепиться за нее, царапаясь, но равновесие уже было потеряно.

Кей сам не понял, как это вышло: он ухватился за скользкий парапет, зацепился ногой, рывком подтянулся. Лестница рухнула вниз с громким треском.

Голоса замолкли на секунду, а затем зазвенели вновь — уже ближе. Парень понимал, что единственный выход — спрыгнуть на землю, в лапы охранников, но он не привык так просто сдаваться. Вдруг они его еще не увидели?

Одно движение, еще одно. Цепкий взгляд выхватил из темноты очертания балкона. Выдохнул, нацелился, рывок — повис на краю. Подтянулся, забрался, упал. Замер.

Запястье жгло огнем, но ему было не до этого. Он лежал, пытаюсь отдышаться. Воздух вырывался из легких со свистом и сильно обжигал пересохшее горло.

— Что это? Откуда звук? — Внизу начинался переполох.

Кей осторожно привстал, боль молнией ударила в ушибленное плечо. Он надел на голову капюшон и только сейчас заметил, что рукав разорван, а из раны на запястье сочилась кровь. Тряхнув рукой, он стиснул челюсти и сделал несколько шагов. Хорошо хоть, что ноги слушались. Привалившись к стене, парень стал судорожно соображать, как ему покинуть территорию дома.

В этот самый момент его внимание привлекло движение в окне, которое выходило на балкон. Что-то блеснуло, будто белесый свет мобильного, и за стеклом, совсем рядом с ним, вдруг выросла тень. А в следующую секунду балконная дверь распахнулась. Крики внизу стали громче, поэтому парню не оставалось ничего, кроме как шагнуть вперед — навстречу тому, кто оказался у него на пути.

Джема оцепенела. Вместе с ночной прохладой и соленым запахом моря в ее комнату ворвалась высокая фигура в черном. Сердце рухнуло в пятки, голова предательски закружилась. Она и рада была отпрянуть в ужасе и закричать, вот только страх парализовал ее так сильно, что даже обычный вдох стал большой проблемой.

Нежданный визитер сделал шаг вперед, и у нее внутри всё сжалось. Она ожидала чего угодно — удара в лицо, грубых слов, ножа, приставленного к горлу, но он просто вошел и прикрыл балконную дверь.

Они остались наедине в ее темной комнате, и от звука биения собственного сердца у Джеммы, кажется, закладывало уши.

— Что вы... — сдавленно начала она.

— Молчи! — приказал незнакомец.

Низкий, властный, бархатный голос. Лица не видно.

— У меня ничего нет! — Ее ресницы затрепетали, вдох застрял в горле.

— Молчи, — тихо повторил он.

Чем от него пахло? Чем-то вроде краски или растворителя. Джемма затаила дыхание. Запах был странным, пугающим. Они с незнакомцем по-прежнему смотрели друг на друга.

Вдруг во дворе вспыхнул свет прожектора, раздались встревоженные голоса, и началась какая-то суета. В доме тоже зашумели, кто-то побежал вниз по лестнице. Вряд ли девушка успела бы позвать на помощь, человек-тень задушил бы ее быстрее, но попробовать можно.

Джемма открыла рот, набрала в легкие воздуха, и в этот самый момент свет со двора теплой желтой полоской скользнул по лицу незваного гостя. Крик девушки потух до тихого восклицания.

Перед ней стоял парень. Молодой, приблизительно ее возраста. Высокий. Выше на целую голову. Худой, но его плечи были достаточно широкими. Одет во все черное: штаны, толстовка, кроссовки, на голове капюшон, спадавший низко на лицо. Из-под капюшона торчали прядки черных кудрявых и, кажется, жестких волос.

Девушка сглотнула, разглядывая его.

Точеные линии скул, мягкие пухлые губы, прямой нос, решительное лицо. Из-под полуопущенных век парня темно-янтарными огоньками блеснули беспокойные глаза.

- Кей&Джема -

И тут Джема опешила. Но не от того, что не обнаружила в этом взгляде враждебности или жестокости, а от того, насколько экзотично выглядел этот негодяй, посмевавшийся ворваться к ней среди ночи. В теплых отсветах уличных огней его кожа отливала молочным шоколадом. Парень был темнокожим.

Девушка молчала. Беззвучная борьба взглядов в полутьме продолжалась. Крики за окном и внутри дома становились громче, а эти двое словно увязли в глазах друг друга и повисшей между ними тишине. Они оцепенели по какой-то неясной обоим причине.

Парень просто стоял и, тяжело дыша, смотрел на Джему. Она тоже вглядывалась в черты его лица, пыталась рассмотреть хоть что-то, кроме ярко сверкающих глаз.

Заставили их отвлечься друг от друга только тяжелые торопливые шаги по коридору. Они приближались. Три, два, один — как в замедленной съемке. Парень бросил короткий взгляд на дверь, прижался спиной к стене и медленно потянул на себя плотную штору.

Джема словно во сне наблюдала за его действиями. Скрипнула дверь, вспыхнул свет, и девушка невольно зажмурилась. Нос все еще щекотал запах краски — значит, ей не приснилось.

— Дочь, все в порядке?

Она обернулась. Светом резануло глаза. На пороге стоял отец, он запыхался.

— Да, — вымолвила девушка, не в силах сдвинуться с места.

Сулейман Алиев, просканировав взглядом комнату, быстро оценил ситуацию: девочка в порядке, окна закрыты, на кровати ноутбук — значит, она не спала, занималась уроками.

— Папа, что-то случилось? — хрипло поинтересовалась Джема.

Она и сама не знала, почему не выдала незваного гостя. Казалось бы, посмотри на штору, покажи отцу взглядом, где

притаился чужак, и ты спасена. Но ее жгло огнем при одной мысли о том, чтобы взглянуть в ту сторону.

Позже она десятки раз прокрутит в памяти этот момент, но так и не поймет, что руководило ею в то самое мгновение.

— Всё хорошо, детка. — Отец прошагал к окну.

Подошел совсем близко, и сердце девушки замерло. Мужчина вгляделся в свет прожекторов за окном.

— Что такое, папа? — едва слышно пробормотала она.

И сделала шаг, встав между ним и злосчастной шторой. Из мыслей почему-то в голове крутилась лишь одна: «Пусть он ничего не заметит — ни моего волнения, ни запаха краски».

— Да так, — отмахнулся отец, судорожно вглядываясь в пейзаж за окном. — Набезобразничал у нас кто-то, сейчас ребята разберутся. Ты не волнуйся.

Он повернулся к ней, и Джема стыдливо опустила взгляд. И сердце снова предательски вздрогнуло: на полу, возле ее ног краснело несколько капель крови. Чьих? Естественно ее визитера.

Подчиняясь какому-то неведомому инстинкту, девушка наступила на них босой ступней, чтобы скрыть от взгляда отца. И тот, увлеченный переживаниями, ничего не заметил: быстро коснулся губами лба дочери и поспешил к двери:

— Сиди у себя, Джема. Никуда пока не выходи.

— Хорошо, — не узнавая собственного голоса, отозвалась она.

— Уже за полночь, легла бы ты спать.

— Да, папа.

Хлопнула дверь. Судя по звукам, суматоха во дворе лишь набирала обороты, и ее отец поспешил туда.

Девушка, дрожа всем телом, медленно обернулась. Гость не стал дожидаться, когда она к нему обратится, и сам отдернул штору. Нахмутив брови и стиснув челюсти, парень внимательно смотрел на нее.

Теперь, в свете ламп, она могла рассмотреть его внимательнее. Кожа визитера не была совсем черной. Просто смуглой или загорелой она тоже не была. Скорее всего, парень

был метисом. Какао с молоком, моккачино, светло-коричневый? Она перебирала в уме возможные названия оттенков его бархатной кожи, одновременно сжимаясь в комок от страха.

– Как мне выйти? – Меж пухлых, сочных губ сверкнули белоснежные зубы.

Джема не знала, что ответить. Провела взглядом по его напряженному лицу и скользнула вниз, отыскивая то, что ее беспокоило, наконец остановилась на изодранном рукаве.

Еще несколько капель крови капнуло на пол.

– Кровь, – хрипло проговорила девушка. Сглотнула и повторила: – У тебя кровь.

Парень в недоумении поднял руку и повернул ее запястьем вверх.

– Черт...

Джема показала дрожащим пальцем на его шею:

– Платок.

Незнакомец, кривясь от раздражения, попытался содрать свободной рукой платок.

– Подожди!

В животе у нее всё оборвалось, когда она встала на цыпочки и потянулась к нему. Парень тоже заметно напрягся: застыл, вытянулся в струну, уставился на нее.

– Вот, – прошептала она, снимая с его шеи платок и протягивая парню.

Гость грубо выхватил его из ее пальцев и попытался завязать запястье.

– Давай я, – предложила Джема.

Он застыл с приоткрытым ртом, но сопротивляться не стал.

Девушка спешно задернула край шторы, чтобы их силуэты не мелькали на фоне окна, и перехватила края платка. Завязав их аккуратным узелком, она вопросительно уставилась на него.

Парень молчал и глубоко дышал. Вдыхал и выдыхал, но никак не мог вдохнуть как следует. Желудок всё еще коло-

тило нервной дрожью. Ему хотелось оттолкнуть девчонку и попытаться спасти свою шкуру, поскорее сбежав из этого дома. А вместо этого он буравил ее взглядом и сердился, не понимая, почему она не сдала его, хотя могла.

Да и должна была, но не сделала этого.

И теперь Кей вроде как ей обязан. Так выходит? Да. А он жутко не любил быть кому-то обязанным. Это его злило.

— Как мне уйти? — повторил он свой вопрос, бросив взгляд на дверь.

Девушка, судорожно сцепив руки, кивнула, а затем, словно очнувшись ото сна, метнулась к выходу. Остановилась у двери, прислушалась, осторожно потянула ее на себя и выглянула в коридор. Чисто.

— Направо, вниз по лестнице, снова направо через гараж. Когда ворота поднимутся, забор будет слева...

Она говорила это, не глядя на него. А потом уставилась в его лицо с укором.

Наверное, стоило что-то сказать, но Кей, ступая мягко и торопливо, прошел мимо нее и выскользнул в коридор. Джема проводила его взглядом, закрыла дверь и навалилась на нее. Сердце стучало набатом. Хотелось разреветься. Так страшно и так странно никогда не было в ее жизни.

Девушка долго прислушивалась к звукам и голосам. Ждала, сама не зная чего. Стыд обжигал лицо. Зачем она помогла ему? Почему не сказала отцу? По какой причине этот парень влез к ним в дом? Что теперь будет? А когда с улицы раздались крики, она выключила свет и бросилась к окну. Успела лишь заметить, как ловкая черная тень взметнулась над забором и исчезла, подгоняемая лучом прожектора.

Джема выдохнула. Облегчение клубящимся теплом разлилось по ее телу. Он смог. Успел, убежал. Кто он, этот темнокожий? Вор? Хулиган? Убийца? Почему тогда не причинил ей вреда? И почему она вела себя с ним так опрометчиво и смело?

С трудом сдерживая волнение, девушка включила свет — ей страшно было снова оказаться в комнате, погруженной

- Лена Сокол -

во тьму. Она прошла к столу, достала из ящика салфетку, наклонилась и промокнула капли крови, оставшиеся на полу возле балконной двери. Плотная портьера, кажется, все еще хранила легкий запах краски.

Что же ему было нужно?

Джема приоткрыла форточку, вслушиваясь в тревожные голоса. Ее отец рвал и метал, отчитывая охрану. Она слышала нецензурную брань, угрозы и приказы с наступлением утра избавиться от чего-то. Она не поняла от чего. Села, закрыла ноутбук и приказала себе успокоиться. Ничего не вышло. Кончики пальцев все еще горели от прикосновений к коже незнакомца, в пересохшем горле першило, поджилки мелко тряслись.

Но стоило девушке поднять взгляд на тумбочку, как ее лоб прорезали тревожные морщинки: мамин кулон, который она сняла перед сном, исчез.

Джема не знала, сколько ей удалось поспать и удалось ли вообще. Сначала она ходила туда-сюда по комнате, прислушиваясь к голосам в доме, потом ее зашла проведать мачеха — Роза. Велела не волноваться и ложиться спать. Девушка сделала вид, что послушалась: закрыла окно, выключила свет, легла в постель, но ее продолжало лихорадить.

Джема винила себя за необдуманный поступок. Она никак не могла понять, почему она так поступила. Ясно было одно: за свою доброту она заплатила единственным дорогим сердцу, что осталось от матери, — кулоном. Воспоминанием. Частичкой тепла, кусочком золота, всё еще хранившим энергетику человека, навсегда покинувшего этот мир.

Никто не знал, но девушка иногда даже разговаривала с этим украшением. Лёжа перед сном, сжимала его и говорила маме, как сильно она по ней скучает. И хоть на мгновение, но ощущала рядом ее присутствие. Это могло показаться глупым, но для Джемы этот кулон значил очень многое — он оберегал ее.

Она поднялась, когда еще не было и семи. Быстро сняла пижаму, надела заранее приготовленную для учебы форму: юбку, отглаженную белую рубашку, узкий галстук. Обула идеально начищенные лоферы, вышла из комнаты и побрела вниз.

Сразу стало ясно: суматоха в доме продолжается. Из кабинета отца доносились недовольные крики — похоже, он

отчитывал кого-то из своих подчиненных. Мачеха в гостиной разговаривала с кем-то по телефону, и тон ее голоса был чрезвычайно тревожным:

– Нет. Его сейчас нет. Мы не станем комментировать эту ситуацию! Больше не звоните сюда!

Проскользнув у нее за спиной, Джема направилась к двери. Уже по пути девушка заметила мелькающие за окнами фигуры охранников и каких-то людей в рабочей форме. Она и сама не знала, зачем шла туда и что надеялась увидеть. Может, искала ответы на какие-то вопросы?

Но всё стало неважным, едва Джема переступила порог. Стремянки, ведра с краской, валики – этим была завалена территория перед домом. Несколько человек в форменных костюмах сооружали высокие строительные леса, другие размешивали краску в больших емкостях, все очень суетились, поэтому никто ее появления во дворе не заметил.

Девушка сделала несколько шагов, пытаясь понять, что происходит, и заметила огромное красное пятно, тянущееся вверх по фасаду. Она поморщилась от ярких солнечных лучей, бивших прямо в лицо. Ей пришлось отойти еще немного подальше, чтобы охватить взглядом всю стену. А когда Джема приблизилась к розовым кустам и обернулась... она пошатнулась от увиденного.

Солнце теперь было за ее спиной, и девушка отчетливо увидела, вокруг чего суетились люди, пришедшие в их дом с утра пораньше. Это была картина. Полотно. Иначе и не назовешь. И то, что на нем было изображено, буквально сбивало с ног. Ошеломляло, бросало в дрожь, приводило в неистовый ужас.

Граффити четыре-пять квадратных метров выглядело огромным кровавым пятном на белом фасаде здания. Языки пламени, колеблемые ветром, поднимались к небу, озаряя стену багряным блеском. Они плясали, рисуя в воздухе светящиеся узоры и распространяя вокруг себя дикий жар. Горели темно-красным и ярко-оранжевым, мрачно тянулись в сто-

роны и облизывали кровавыми бликами светлую поверхность кирпичной кладки.

Но не пламя испугало девушку. Не оно заставило ее дрожать и коченеть от ужаса. А лица — детские лица, десятками отпечатавшиеся в глотке пожара. В подрагивающем желтом пламени они молили о пощаде, тянули руки и жалобно плакали. В их темных зрачках красными бликами отражалось безумное торжество огня. Они умирали, и их глаза смотрели прямо на нее — на Джему. В них стояла неподвижная, тихая, немая безысходность.

Дети горели в огне.

— Джема! — Из дома выбежала перепуганная тетя Роза и стремительно помчалась к ней.

Девушка чувствовала, как слабеют ее ноги. То, что она увидела, ее поразило.

«УБИЙЦА» — было выведено под рисунком.

Рабочие пытались закрасить это слово — старательно возили кистями и валиками по фасаду, старательно прокрашивая швы. Один из охранников помогал подсоединить компрессор с пульверизатором, чтобы работа пошла быстрее.

— Джема, зачем ты вышла?! — Женщина схватила ее за руки.

— Я... — Девушка не могла отвести глаз от ужасающей картины. Она почти слышала, как кричат эти дети, как они зовут на помощь. Их лица были такими живыми, что гул в ее ушах звенел их тонкими голосами. — Что это?

— Ты не должна была это видеть. — Роза покачала головой и потянула ее в дом. — Твой отец будет недоволен.

Джема в последний раз взглянула на языки пламени, взбирающиеся вверх по стене к балконам.

— Зачем? Кто это сделал? — выдохнула она.

Ноги ее не слушались, руки дрожали.

— Вандалы, — процедила мачеха, подхватывая ее под локоть, — разве таким нужен повод? Лишь бы напакостить.

Она бросила укоризненный взгляд на охранников, позволивших девочке выйти и увидеть весь этот ужас.

— Но ведь это должно что-то значить, так? — Джема остановилась на пороге и обернулась. — Должен быть какой-то смысл, иначе к чему так рисковать? Зачем они это написали?

Роза напряженно улыбнулась и положила ладони ей на плечи:

— Твой отец помогает очень многим людям, и это не всех устраивает, понимаешь? Не все хотят, чтобы наш город жил лучше.

— Я не понимаю, — нахмурившись, сказала девушка.

— Это просто недоброжелатели, — заверила мачеха, — очередные грязные методы политической борьбы, Джема.

— Но... — Она замерла, наблюдая за подъехавшим к ограде особняка минивэном, на крыше которого, скрючившись, сидел странный человек с фотоаппаратом.

Мелькнуло несколько вспышек.

— Стервятники! — прорычала мачеха, вталкивая Джему в дом, чтобы та не попала в объектив фотографа. Едва они вошли, она бросилась к одному из охранников: — Какого черта вы делаете? За что вам платят? Там пресса! Живо гоните их отсюда!

Замерев у одного из окон, Джема наблюдала, как ускорились рабочие под вспышками камеры, как принялись ожесточенно закрашивать жуткое граффити.

— Девочка моя, иди к себе, пожалуйста. Собери тетради, — едва удерживая на лице подобие улыбки, процедила Роза. — Распоряжусь, чтобы завтрак принесли наверх. — Она бросила взгляд на часы. — Я отвезу тебя на учебу через час, а пока мне нужно срочно поговорить с твоим отцом.

— Хорошо, — не стала спорить Джема, — буду у себя.

Девушка поднялась по лестнице, вошла в свою комнату и припала к окну: охранники угрозами заставили минивэн покинуть территорию элитного поселка, но, даже отъезжая, фотограф продолжал делать снимки их дома с разных ра-

- Кей&Джема -

курсов. Он стоял на крыше движущегося автомобиля и бесстрашно щелкал затвором.

Джема была потрясена происходящим. Этот человек, рискуя собственной жизнью, фотографировал и фотографировал – так, словно это было для него важнее всего на свете.

Впервые что-то пошатнуло ее веру в счастливое, спокойное и благополучное существование ее тихого мирка.

Завтрак ей прямо в комнату принесла одна из горничных — Яна.

Она была младше Джемы или одного с ней возраста, Джема точно не знала: они не общались тесно. Отец и мачеха не приветствовали панибратство в общении с прислугой, поэтому девушка держалась приветливо, но отстраненно. Дружбу ни с кем из персонала не водила, даже если кому-то, как например Яне, искренне симпатизировала.

— Обезжиренный йогурт, тост с джемом, кофе без кофеина со сливками. — Горничная поставила поднос на прикроватный столик и сдержанно улыбнулась. — Может, что-то еще принести?

Джема подняла на нее рассеянный взгляд:

— Нет, спасибо.

— Хорошо. Приятного аппетита! — Яна посмотрела на нее с явным сочувствием. — Если что-то понадобится, зовите.

Джема кивнула. Посмотрела на поднос: стандартный набор. Мачеха следила за тем, чтобы она питалась правильно, лично высчитывала количество калорий. Иногда такая забота сильно напоминала оковы, в которые заковывают против воли, но обижать родителей ей не хотелось, поэтому девушка всегда покорно принимала их решения.

— Яна, — позвала она.

Горничная уже почти вышла за дверь.

— Да? — обернулась она к ней.

— Извини, пожалуйста, — Джема пожала плечами, — у меня совершенно нет аппетита. Унесешь обратно?

Яна на секунду застыла в нерешительности, но тут же взяла себя в руки:

— Конечно.

Она приблизилась и взяла поднос.

— Прости, — добавила Джема, нервничая.

Она могла и сама отнести на кухню свой завтрак, но знала, что если мачеха застанет ее за исполнением обязанностей прислуги, то попадет Яне, а не ей.

— Всё в порядке. Вы не должны извиняться, — улыбнулась горничная.

Дочь мэра не знала, что ответить.

Ей было неловко. Она с детства жила в достатке, но так и не привыкла к тому, что с людьми, которые помогают по дому, необходимо было общаться сдержанно и свысока.

— Яна, — окликнула она ее снова.

— Да? — Девушка застыла на пороге ее комнаты с подносом в руках.

— Не знаешь, мой отец не освободился?

— Э... похоже, у него важное совещание в кабинете, — замялась горничная.

— Всё ясно.

Как обычно. Еще и этот переполох с граффити.

— А ты не знаешь, что это за рисунок на стене нашего дома? Кто его оставил? Что он значит?

Глаза Яны обеспокоенно забегали.

— Нет. — Она опустила глаза.

— Хорошо, иди.

Дверь закрылась, и Джема поднялась с кровати. Встала у зеркала, поправила форму. Удивительно, но сегодня она себя не узнавала. Те же буйные темные кудряшки, то же бледное, ничем не примечательное лицо, та же фигура, кажущаяся по-мальчишески угловатой и худой. И что-то всё равно изменилось. Может, взгляд?

И вроде бы минуту назад она собиралась позвонить Ксюше и всё рассказать, но теперь не знала, с чего начать.

Как можно было сказать лучшей подруге, что сама помогла ночью преступнику, который нагрязнул в их дом ради акта бессмысленного вандализма? Варвар, дикарь, вор, бандит – вот кого она скрывала от отца. И от этого становилось жутко стыдно.

И чем подробнее Джема прокручивала в голове сцену их встречи с незнакомцем, тем меньше логики находила в своих действиях. Ей не было никакого оправдания!

И всякий раз, вспоминая его, девушка обнаруживала в памяти новые детали: колючий взгляд в темноте, короткие беспальные спортивные перчатки на руках, блеск серебряной цепи на шее в тот момент, когда она сняла с него платок... Столько всего – и ничего. Пусто.

По таким приметам преступника не найти.

Девушка взглянула на часы. Пора было ехать в академию. Роза всегда отвозила ее именно в это время. Но сегодня мачеха почему-то не торопилась, и Джема даже не знала, как ей лучше поступить: ждать, как было велено, или спуститься вниз. Спустя минуту решила, что про нее просто-напросто могли позабыть в такой суматохе – нужно было напомнить о себе.

Она взяла сумку, закинула на плечо и осторожно вышла из комнаты. В полной тишине, разбавляемой лишь гулом голосов за окнами, девушка спустилась в гостиную. Огляделась. Розы не было видно, поэтому Джема инстинктивно двинулась в сторону кабинета отца.

Признаться или нет? Если да, то как объяснить? Если нет – каким образом вернуть кулон? Как вообще жить дальше, осознавая свою вину в том, что вор смог сбежать от охраны? Еще и эта картина на фасаде не давала ей покоя. Стоило закрыть глаза, и она видела лица горящих в огне детей, слышала их беспомощные крики.

– Валера, дело приобретает серьезный оборот! – послышался голос отца из кабинета.

Джема прижалась к стене, вслушиваясь.

— Мы повязаны оба, вот и давай будем возникающие проблемы решать вместе, — продолжил он. — Дошло до того, что эти подонки вломились ко мне, понимаешь? Они испоганили фасад дома, и всё это засняли чертовы газетчики! Нет, я не включаю заднюю, Валер...

Услыхав стук каблучков на лестнице, девушка испуганно отпрыгнула от двери. Желая проشمыгнуть незамеченной из коридора в гостиную, она пробежала на цыпочках по ковру и вдруг нос к носу столкнулась с мачехой.

— Джема, ты готова? Я вроде попросила подождать меня в комнате, — нахмурилась она.

Девушка вытянулась в струнку:

— Я переживала, что опоздаю.

Роза бросила взгляд на экран смартфона:

— Мы еще успеваем. Идем. — Она указала на дверь.

Джема послушно проследовала к выходу, по пути заметив наблюдающую за ними из коридора Яну. Горничная испуганно дернулась, поняв, что ее заметили, и торопливо скрылась за углом.

«Значит, видела, как я подслушивала у кабинета отца», — с неудовольствием подумала Джема. Она не знала, стоило ли опасаться, что ее могут сдать. В любом случае ничего такого уж криминального в том, что ее застали, не было. И, честно говоря, быть всё время примерной и правильной не так уж весело. Неужели она не имеет права даже на маленькую ошибку?

По дороге в академию Джема впервые внимательно наблюдала за происходящим вокруг. Разглядывала шикарные особняки соседей, провожала взглядом встречные автомобили, внимательно вглядывалась в витрины бутиков и блестящие фасады деловых центров. Каждый день они следовали одним и тем же маршрутом: элитный поселок, туристический центр города, бизнес-квартал, высшая академия.

Здания по дороге до вуза были выстроены в едином стиле, они сверкали новизной, чистотой, идеальностью. Словно и сам

- Лена Сокол -

этот путь был проложен специально для туристов и обеспеченных господ, таким напыщенным, чопорным и неживым всё казалось. Специально выстроенная сказка для богатеев — живи и радуйся, вокруг все свои.

Никогда прежде ничего подобного не приходило ей в голову. А теперь буквально по пятам за девушкой ходило ощущение, что ее обманывают. Глаза сами выискивали на стенах зданий следы краски и находили: вот тут что-то было аккуратно замазано в несколько слоев белым, и вот там — неаккуратной заплаткой поверх темных чернил светлело розоватое пятно на фоне светло-красного кирпича фасада.

Дорога до академии приобрела новые, не слишком отчетливые краски. И Джеме отчаянно захотелось свернуть с этого маршрута и хоть раз в жизни увидеть что-то другое. Что-то помимо того, что ей позволялось видеть и знать. Что-то, что находилось за пределами выстроенного для нее заботливыми родителями идеального мира.

Лиловый сумрак над верхушками гор бледнел, превращаясь в холодную туманную дымку. На фоне светлеющего неба всё резче проступали темные силуэты деревьев и округлая чаша долины, вдавленная в горный хребет. Плавные изгибы длинного молочно-белого побережья медленно приобретали четкие очертания.

Чернота сползала, смывая ночь с тихого прибрежного городка, и заря, разгораясь, наполняла берег до краев золотисто-оранжевым блеском солнечных лучей. Море словно замерло, птицы замолчали, встречая рассвет, и только ветер продолжал осторожно сдувать с утеса серебристо-туманные пушистые хлопья облаков.

Тамара отошла от окна и собрала длинные светлые волосы в тугий пучок. В свои сорок женщина была чрезвычайно хороша, и даже та боль, что давно поселилась в ее сердце, не отложила след из морщин под ее дивными светло-зелеными глазами.

Она накинула халат, потуже завязала пояс и выглянула в коридор — обуви сына в прихожей не было. Материнское сердце зашлось в тревожном стуке: неужели не вернулся? Тамара сама не поняла, как уснула вчера в ожидании. Вот вроде сидела, переживала за него, смотрела в окно, набирала номер — всякий раз безуспешно. И только положила голову на подушку, как уже рассвело.

Женщина прошла по коридору и толкнула дверь в комнату сына: слава богу, он здесь. Живой. И сердце немного отпустило.

Парень лежал поверх покрывала, уткнувшись лицом в подушку. И не беда, что в обуви и в одежде. Зато пришел. С тех пор как ее мальчик повзрослел и окончил школу, он точно с цепи сорвался: почти не появлялся дома, отмахивался от уговоров поступить в вуз, водил дружбу с сомнительными личностями и вечно ошивался в каких-то подозрительных местах, откуда возвращался поздно.

А еще он стал закрытым, сдержанным и замкнутым. Перестал делиться с ней своими переживаниями, как делал это в детстве. Всё чаще просил отстать от него и не соваться в личную жизнь, но что хуже — стал приносить домой деньги. Другая бы, несомненно, обрадовалась такому раскладу, тем более в их бедном районе, где нелегко было найти хоть какой-то способ заработать, но для Тамары принесенные сыном купюры были очередным поводом задуматься: что же она упустила в его воспитании?

— Трудно, что ли, было снять? — Она потянула за кроссовку, стаскивая ее с ноги сына.

Парень что-то промычал.

— Трудно раздеться?

Поставила обувь в уголок, обошла лежащего мальчишку и наклонилась:

— Во сколько ты пришел? Только не говори, что опять под утро.

Кей раздраженно замычал. Кажется, он узнавал этот нравоучительный тон. Если не сказать ничего в ответ, то он станет только нарастать, вгрызаясь в голову острым лезвием пилы. Если мать начинала его отчитывать, то остановить ее было практически невозможно.

— Нет, — буркнул он, отходя ото сна.

Который вообще час? Кей проморгался, увидел за окном рассветное зарево и застонал. «Она что, шутит? Я мог спать до обеда!»

— Ты не пьян случайно? Что пил?

— Ма-ам...

— Чем это пахнет?

— Ммм... — простонал парень, закрывая лицо ладонью.

— Что это? Что ты сделал с рукой? — Теперь она суется возле его запястья. Дергала платок, причитала. — Нужно перевязать, сейчас все принесу.

Только Кей начал проваливаться в сон, как с неудовольствием обнаружил, что мать вернулась. Запахло антисептиком. Тамара умело орудовала медикаментами и бинтами, пока парень делал отчаянные попытки сопротивляться сквозь сон.

— Говори, что натворил! — потребовала она, отбрасывая от себя его руку. — Говори!

Нехотя Кей перевернулся на спину и открыл один глаз. Мать нависала над ним грозовой тучей.

— Всё хорошо, мам.

— Откуда рана?

— Всё хорошо. — Он приоткрыл второй глаз и прищурился от света. — Упал с мотоцикла.

— Не ври мне. Я знаю, какие бывают ссадины, если свалиться с мотоцикла.

— Мама, пожалуйста... — попросил парень.

— Я с ума с тобой сойду, — покачала головой Тамара. — Посмотри, на кого ты похож, сынок! Толстовка вся в краске какой-то, на виске что-то красное засохло, руку ободрал, штанина внизу оторвана. Лучше бы ты учиться пошел, честное слово. Столько тебя упрашиваю.

— Мам, не место мне там, будто ты не знаешь! — Кряхтя, он повернулся на бок и потер глаза. — Нормально же зарабатываю, деньги тебе приношу.

— Не нужны мне такие деньги, Витя, — со вздохом сказала она.

— Какие «такие»? Опять решила завести свою шарманку?

— Нечестные деньги. Скажи лучше, где ты их берешь?

Кей поморщился.

— А тебе не все равно? — Он долго смотрел в ее красивое лицо, а затем приподнялся на локтях. — Не бухаю, не принимаю наркотики, что еще надо?

- Лена Сокол -

— Если бы только в этом было всё дело... — поникла она.

— Кончай с этим, мам! — Парень положил свою ладонь на ее. — Всё, ладно? — Сжал ее и улыбнулся. — Есть что пожрать?

— Да, — тихо ответила Тамара, разглядывая сына.

«Так похож на отца. И улыбка та же. Взрослый уже совсем. Поздно воспитывать. Остается молиться, чтобы не попал в беду».

— Разогревай тогда, я пока приму душ.

— Хорошо! — Женщина поднялась с постели и вышла из комнаты.

Парень принялся шарить по карманам. Наконец, нащупав то, что искал, извлек на свет изящный золотой кулон в виде сердца. В сиянии рассветных лучей эта безделушка уже не казалась ему такой простой: в плавных линиях угадывались два женских силуэта — мать и дочь, склонившие головы друг к другу. Интересно и необычно!

Наверное, стоило поторговаться за него в ломбарде, постараться выбить лучшую цену. Возможно, для девчонки эта вещь была дорога, но неужели он станет переживать из-за какой-то избалованной папенькиной дочки, которую больше никогда не увидит? Да, она, можно сказать, спасла ему жизнь. Но... это лишь малая часть того, чем мэр мог возместить причиненные страдания ему и тем людям, которым он нанес вред.

Легкое чувство вины царапнуло парня изнутри, и он на мгновение задумался. «Нет, это точно не должно меня беспокоить», — решил Кей, немного подумав, и сунул кулон обратно в карман.

— **П**озвони, как освободишься! — Роза махнула на прощание рукой.

— Конечно, — сделала попытку улыбнуться Джема.

Автомобиль мачехи отъехал от здания академии.

«Ну что ж... По крайней мере, один человек, с которым я могу поделиться своей тайной, у меня есть. Это Ксюша». Она уже написала ей сообщение, в котором коротко рассказала о вандалах и граффити. Нужно было найти ее поскорее и всё подробно рассказать: про того парня и про кулон. Наверняка подруга посоветует, как поступить в этой ситуации.

Девушка прижала к груди сумку, собралась с духом и поднялась по ступеням к входу в учебное заведение.

Крыльцо заполнили молодые люди, они оживленно переговаривались. Настроение у студентов было весенним: еще немного подготовки, последние лекции, потом останется сдать сессию — и добро пожаловать в лето. Солнце припекало уже совсем не по-апрельски, особенно днем — так и хотелось одеться полегче и подставить лицо теплым лучам, лежа где-нибудь у бассейна со стаканом свежавыжатого апельсинового сока.

Джема остановилась на верхней ступеньке и обернулась, высматривая подругу. Ксюша выбралась из автомобиля, громко хлопнула дверцей и, что-то проворчав под нос, бросилась вверх по лестнице.

— Кто это? — удивилась Джема, пытаясь лучше рассмотреть человека в строгом костюме, сидевшего за рулем.

— Это то самое недоразумение, о котором я говорила тебе по телефону! — Ксюша фурией подлетела к ней. — Хам! На

какой помойке только его откопали? Ужас! — Она облизнула губы и бросила на незнакомца яростный взгляд через плечо. — Никакого воспитания! Не водитель, а необразованная горилла! Хуже наказания, чем этот надсмотрщик, слоняющийся за мной по пятам, отец и придумать не мог!

— Привет, Ксю, а это кто? Твой водитель? — подключилась к разговору Лина, их однокурсница.

Джема не очень жаловала развязную рыжеволосую девушку, но та иногда общалась с Ксюшей, поэтому ей часто приходилось терпеть ее присутствие.

— Не пялся на него! — попросила Ксюша.

— Почему? Он же такой... красавчик!

— Кто?! — Ксения даже обернулась. — Он?! Я тебя умоляю!

— Нет, серьезно. Мне бы такого водителя, я бы... — Лина закусила губу.

— Просто обслуживающий персонал. Прислуга! Не на что слюни пускать. Идем! — Ксюша схватила Джему под локоть и потащила вверх ко входу в здание.

От внимания Джемы не укрылось, что подруга нервничала.

Личного водителя ей наняли после небольшого скандала: Ксения удрала со Стасом и Линой на вечеринку, взяв без разрешения автомобиль отца. Разумеется, по закону подлости гаишники остановили машину как раз в разгар веселья, поэтому девушку строго наказали¹.

Узнав об этом, Джема даже немного расстроилась. Ксюша не позвала ее с собой на это мероприятие и даже ничего про него не сказала. Но потом девушка поняла, что подруга слишком хорошо ее знала: во-первых, дочь мэра ни за что бы не пошла поздним вечером в сомнительный клуб в компании малопривлекательных молодых людей, увлекающихся алкоголем и сигаретами, во-вторых, если бы даже захотела пойти, отец ее не отпустил бы. И мало того, он был бы ужасно разоча-

¹ Ксюша, Стас, Лина — герои книги «Водитель для дочери» Лены Сокол.

рован, узнав о желании дочери провести свой досуг именно таким образом.

— Ксень! — А вот и Стас.

Не успели девушки войти в здание академии, как нарисовался этот тип. Высокий, статный, холеный блондин в форменном пиджаке оторвался от компании парней и приблизился к ним.

Ксюша радостно улыбалась, сжимая локоть подруги.

— Подожду тебя в кабинете, — уныло произнесла Джема, отпуская ее руку. И направилась к аудитории. У них еще будет время поговорить — перед лекцией или после.

Девушка вошла в кабинет, поздоровалась с однокурсниками. Несколько человек отозвались коротким и вежливым «привет». Не сказать, чтобы у нее не было друзей в группе, но близко Джема общалась только с Ксюшей. Мало кого привлекала вечно погруженная в учебу, сдержанная и даже немного замкнутая отличница. А преподаватели больше интересовались деятельностью ее отца на посту мэра, чем знаниями Джемы и результатами ее тестов.

Да и спрос с детей обеспеченных родителей в их элитной академии, честно говоря, минимальный. Заплатил, учится, сдает работы — и ладно. Деньги решали всё или почти всё.

Но вот у Ксюши с учебой было не очень гладко: она много занятий пропустила, отвлекалась и в итоге накопила долгов, надеясь, что папочка-бизнесмен всё разрулит. Но тот разозлился из-за ее последнего проступка и встал в позу. Теперь подруга должна была сдать хвосты, чтобы не лишиться карманных денег.

Судя по тому, как легкомысленно Ксения Князева флиртвала сейчас со Стасом, она не особо переживала по данному поводу. И это пугало Джему. В их семье иначе: она не могла даже представить, каково это — разочаровать отца. Узнай он о ее прогулах, плохих оценках, гулянках с парнями... Ой, нет, быстрее земля разверзнется, чем она отважится на что-то подобное. Никогда!

Джема аккуратно разложила на парте тетради и ручки. Придирчиво оглядела их и еще раз поправила, чтобы лежали ровно, будто по линейке. Девушка во всем любила порядок. Да, многие считали ее занудой, но она не обращала на это внимания. Контроль над своей жизнью, пусть даже в мелочах, дарил ей ощущение спокойствия.

— Я подумаю! — хихикнул кто-то.

Джема подняла голову — Ксюша вслед за Стасом вошла в аудиторию.

— Доброе утро! — с трудом оторвавшись от парня, поздоровалась она с Ириной Александровной, преподавателем высшей математики.

Подойдя к их с Джемой столу, Ксения торопливо и хаотично раскидала по столу тетрадки, ручки, карандаши. Затем достала телефон, спрятала его меж страниц методического пособия, нагнулась, поправила гольфы, выпрямилась. Потом подмигнула Стасу, идущему на свое место, показала язык Лине, рассмеялась и только после этого повернулась к следившей за этой возней подруге.

— Ты чего? — Ее физиономия вытянулась.

Джема даже не предполагала, что у нее на лице написаны все ее чувства: она внезапно осознала, что они с Ксюшей совершенно разные. Подруге было с ней неинтересно. Джема не могла дать ей того, что могли дать Лина или Стас: веселье, безбашенность, драйв. Она ведь даже разговоры о парнях поддерживала через силу.

А это значило, что если Ксюша всё еще ее терпела, то, скорее всего, только из-за учебы... Или из-за дружбы их отцов?

— А ты? — спросила она у нее.

— А у меня всё прекрасно. — Ксюша многозначительно подвигала бровями.

— Потому что ты теперь со Стасом?

Та пожала плечами.

— Ну мы... ну типа вместе, да.

— Типа или вместе? — аккуратно уточнила Джема.

Улыбка сползла с лица Ксюши.

— Мы вроде как двигаемся в этом направлении.

— Понятно, — кивнула она.

— Блин, Джема! — Ксения толкнула ее локтем. — Не начинай, а! Ты прямо голос моей совести! Только у меня всё налаживается, только мне хочется расслабиться, как ты начинаешь занудствовать, напоминая, что вокруг меня творится совершеннейшее дерьмо!

— Ладно, молчу. — Джема повернулась к доске.

В груди клокотала обида. Темная ночь, незнакомец, липкий страх, состояние шока, пропажа кулона, ужасающее граффити на стене их дома — всё закружилось перед глазами дикой каруселью. Как ей справиться с этим в одиночку, если даже рассказать некому?

— Хорошо, хорошо, прости. — Ксюша подергала ее за рукав. — Посмотри на меня. Скажи уж. Скажи, что хотела. Мне без твоих нравоучений уже даже как-то не по себе. Дже-е-ем! Дже-е-емка...

— Рукав оторвешь! — Девушка посмотрела на нее с укором. На глаза навернулись слезы.

— Джем, а что случилось-то? — нахмурилась Ксюша.

— Ничего. — Та опустила взгляд и уставилась в тетрадку.

Внезапно она вспомнила, как тот парень перепрыгивал через высокий забор, чтобы скрыться во тьме. Как бы подруга отреагировала, узнав о ее легкомыслии? Припомнила бы ей все ее нравоучения и пожурила бы? Наверное. Доверие — главный принцип дружбы, разве нет?

— Да говори, говори уже!

Ксюша бросила взгляд на преподавателя. Ирина Александровна, поглядывая на часы, продолжала делать записи в своем ежедневнике и не обращала на них внимания.

— Ты... — Джема поежилась. — Тебе всё равно неинтересно будет.

— Почему?

— Потому что... Не знаю. У тебя новые друзья, тебе с ними весело. — Она махнула рукой. — Мы с тобой вчера разговаривали, ты мне все уши про своего Стаса прожуж-

жала. А между прочим, из-за него ты и влипла с машиной, с алкоголем и попала в полицию. И из-за него же к тебе приставили водителя-надзирателя. А ты...

«Язык мой — враг мой».

— Что я? — напряглась Ксения.

— Он идиот, который тебя не достоин, — Джема заставила себя сказать правду усилием воли.

— Ну это только твое мнение.

— Но я не могла тебе его не сообщить. — Джема совсем как первоклашка сложила руки на парте.

— Стас мне нравится, — выдохнула Ксюша.

— Заметно. И что хуже — он тоже это видит. Воспользуется тобой и...

— Ты просто завидуешь, — хмыкнула девушка, откинувшись на спинку стула. — Меня зовут, со мной хотят общаться, а ты им неинтересна. Правильная вся такая... — И вдруг, напоровшись на взгляд ошеломленной подружки, она осеклась.

Джема зависла на секунду, затем резко вскочила и принялась собирать со стола тетради и письменные принадлежности. Ксюша молчала, глядя на это, а затем не выдержала:

— Джема, я...

— Ты меня даже не спросила! — Девушка остановилась, прижав сумку и тетради к груди. Ее губы задрожали. — Я написала, что в мой дом ночью ворвались люди. Они изрисовали стены моего дома! Они... Да, между прочим, один из них был в моей комнате, а ты даже не спросила меня ни о чем!

— Джем... — Ксюша поменялась в лице.

— Удачи тебе! — Девушка протиснулась между стульями и столами и метнулась к дальнему ряду на свободное место.

Только усевшись на новое место, она поняла, что все присутствующие смотрят на них. На соседнем ряду кто-то весело присвистнул. Джема, чтобы успокоиться, опустила взгляд в тетрадь.

— Итак, — нарушила тишину Ирина Александровна, — пожалуй, начнем с долгов. Может, вы на этот раз принесли работу, Князева?

- Кей&Джема -

— Нет, — послышался виноватый голос Ксюши, — я ее еще не сделала.

— Очень-очень жаль. Я не теряла надежды, что вы возьметесь за ум.

Джема не смотрела на подругу.

— Я сделаю. Обещаю.

— Что ж, бегать за вами я точно не буду, мы не в школе, и ваша успеваемость только в ваших интересах.

«В обычном вузе с ней вряд ли так возились бы», — вдруг пришло в голову Джеме. И в это мгновение она некстати вспомнила о своей мечте поступить в художественную академию. В памяти всплыли слова отца о том, как всё это несерьезно и что нужно заботиться о своем будущем.

— Если вы не знаете, как правильно оформить и защитить проект, то вам следует спросить совета у тех, кто сделал это на «отлично», — продолжила преподаватель, — например у Алиевой. Вы, кажется, подруги? Тогда почему бы вам не равняться на нее, Князева?

Щеки Джемы вспыхнули. Она уже знала, что увидит, когда взглянет на Ксюшу. Та смотрела на нее с укором.

Ну вот, опять ее прилежание возводило барьер между ней и остальным миром.

Ближе к обеду в академии заговорили о граффити на доме мэра. Дজেма слышала, как это обсуждают в аудиториях, в столовой и в коридорах. На нее показывали пальцем, шептались за ее спиной, некоторые студенты с жалостью качали головой.

— Ты их видела? — спросила староста группы Кира.

Эта небольшого роста полноватая девчонка единственная в группе, учившаяся так же хорошо, как и Дজেма, но она была гораздо бойчее, потому и получила эту должность.

— Кого? — поинтересовалась уставшая от косых взглядов девушка.

Кира потянула ее за собой и остановилась у стены, подальше от посторонних глаз.

— Тех людей.

— Каких?

Глаза Киры блеснули:

— Тех, что ворвались к вам в дом! Их было много? С оружием? Правда, что они приставили пистолет к голове твоего отца?

— Что?! — закричала, оттолкнув ее, Дজেма. — Что за чушь?

— Да все уже знают, — скривилась староста, — академия на ушах стоит! Всё из-за той газеты...

— Какой газеты? — похолодела девушка.

— «Прибрежный вестник».

— Я ничего не видела. Что там?

— Сама посмотри! — недовольная таким обхождением, хмыкнула Кира. Развернулась и ушла.

Единственным спасительным местом для Джемы всегда была библиотека. Туда она и помчалась. Спустилась по лестнице, забежала в помещение, коротко поздоровалась с библиотекарем и нырнула в читальный зал. Там села за стол, дрожащими руками достала телефон и забила в поисковик название газеты.

«УБИЙЦА» — уже знакомая надпись сразу бросилась в глаза. Фотографию рисунка с горящими детьми напечатали на первой полосе утреннего выпуска.

Статья была небольшой. Ее автор сначала рассуждал, кто мог отважиться на подобное, а затем о том, каков посыл автора граффити. «Неужели это обвинение? Тогда в чем конкретно обвиняют мэра города Сулеймана Алиева? Пожалуй, стоит разобраться. Мы будем держать руку на пульсе».

— Да уж разберитесь! — выдохнула Джема, возвращаясь к началу статьи.

Она не могла поверить в то, что видела. Как им такое в голову пришло? Как они могли обвинять ее отца?! Он хороший человек. Честный! Никого он не мог обидеть.

«Да как этот негодяй посмел?» — теперь она имела в виду того парня в черном капюшоне, пробравшегося к ним под покровом ночи. Его одежда пахла краской, выходит, это он и его сообщники сделали то граффити. Значит, это они посмели назвать убийцей ее отца...

Джема не могла так это оставить. Она должна была всё выяснить.

Зная, что Роза ничего ей не расскажет, девушка не лезла с расспросами. Молча вышла из машины и направилась к дому. Едва не споткнулась, заметив, что граффити уже замазано: ровная и абсолютно белая стена. Словно и не было утром на ней ничего. Подойдя ближе, Джема разглядела и неровные края пятна краски поверх рисунка, и темноватые разводы там, где под слоем белил прятались огненные всполохи.

- Лена Сокол -

— А вот и моя девочка! — Папа заключил ее в уютные, теплые объятия.

Он как раз собирался уезжать, когда они столкнулись в гостиной.

— Пап, мне нужно с тобой поговорить, — прошептала Джема.

— Если ты по поводу этой мазни, то я уже отдал распоряжение, чтобы нашли этих подлецов и оторвали им руки. Тебе не о чем беспокоиться, моя сладкая. — Сулейман Алиев поцеловал дочь в лоб и посмотрел на наручные часы. — Всё, мне пора. Из-за публикации в газетенке придется делать заявление для прессы.

— Но, пап... — Ей не хотелось отпускать его руку. — Ты знаешь, кто эти люди? Зачем они сделали это?

Отец обменялся взглядами с мачехой, стоявшей за спиной Джемы.

— Я — важный человек, дочь. Все хотят быть важными людьми, поэтому и используют вот такие нечестные методы борьбы.

Он похлопал ее по плечу — совсем как в детстве.

— Они назвали тебя убийцей!

— Так, всё! — Алиев еще раз поцеловал дочь и взглядом подал жене знак заняться девочкой. — Мне пора бежать. — Мужчина наклонился и внимательно взгляделся в глаза дочери: — Надеюсь, ты выкинешь из головы этот бред, Джема. Это мелкие пакости мелких людишек, запомни. Твоего отца этим не задеть. — Он улыбнулся. — И, наверное, у тебя куча дел по учебе? Займись ими, хорошо?

— Хорошо, — проговорила она, глядя, как он спешно идет к выходу.

— Тебе не о чем волноваться, Джема, — мягко произнесла Роза, делая шаг к ней, — твой отец со всем разберется.

— Да, — согласно кивнула девушка.

— Идем пообедаем!

— Хорошо.

Но Джема не переставала волноваться. Она не могла отпустить ситуацию. Ее настораживало, что никто ей не объяснил, в чем дело. Весь город гудит, а ее семья делает вид, что ничего не произошло.

За обедом девушка старательно изображала, что все нормально. Едва дождавшись позволения подняться к себе, помчалась в комнату и там еще раз перечитала в ноутбуке статью и комментарии на сайте газеты.

Что-то не сходилось! Очевидно, от нее многое скрывали и недоговаривали. Но еще больше Джема переживала из-за того, что сама накануне поспособствовала тому, чтобы эти страшные люди, пытавшиеся очернить ее отца, ушли от ответственности. И если от всего мира она спряталась в своей комнатке, то от собственной совести ей никуда не деться.

Приняв душ, девушка спустилась вниз. Пришло время ужина, но отца еще не было дома, поэтому мачеха тоже не торопилась спускаться в столовую. Джема бесцельно шаталась по дому, размышляя, где найти ответы на десятки вопросов. Она не заметила, как забрела на кухню. И замерла, услышав голоса.

— Все говорят об этом, Яна. Я знаю, ты должна быть в курсе. Не молчи, поделись!

— Ничего я не знаю!

— Люди и так догадываются. Больше никто, кроме него, не мог этого сделать. Он уже почти народный герой.

— Я — могила.

— Так и знала! Это он, да? Это Кей? Пожалуйста, скажи. Я только мужу, больше никому. Черт, да мы и так понимаем, что это он. Ай да мальчишка! Ай да наглец! Залезть на территорию дома мэра, притащить чертову лестницу и наваять такое полотно без единого звука! Да что там — без света! Это просто нереально, Янка, так только Кей бы смог.

— Возможно.

- Лена Сокол -

— А-а-а! Ты его видела? Видела? — спрашивающая перешла на прерывистый шепот. — Скажи, видела его? Какой он? Сколько ему лет?

— Без понятия! Всего несколько человек знают, кто он. И пусть это и дальше так остается.

— Ну намекни мне. Ты же знаешь его? Знаешь? Знаешь?!

— Да, вообще-то, — неохотно, но с гордостью ответила Яна, — но...

— Я тоже хочу знать! — появившись в дверях, решительно заявила Джема. — Кто он такой, Яна?

Горничная и повариха замерли, одновременно побелев от неожиданности и от страха.